

ШЕДЕВРЫ УЖАСА В ИЛЛЮСТРАЦИЯХ

ГОВАРД ФИЛЛИПС
ЛАВКРАФТ

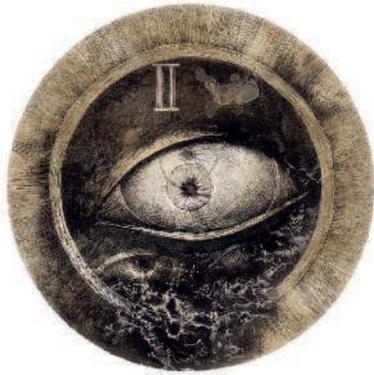
УЖАС
ДАНВИЧА

ИЛЛЮСТРАЦИИ
САНТЬЯГО КАРУЗО

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

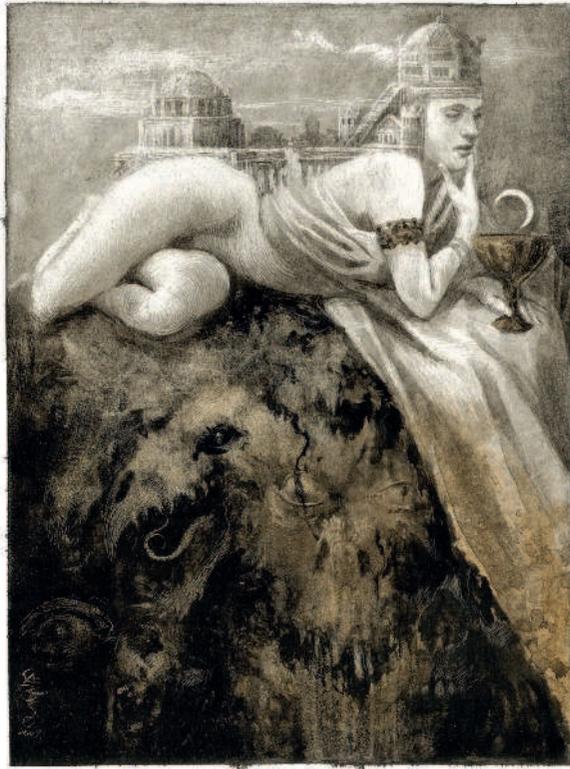
Горгоны, гидры и химеры — страшные рассказы о Келено и гарпиях — могут воспроизводиться в голове суеверного человека, однако они существовали в нашем мире прежде. Все это — копии, типы, точнее архетипы, которые есть в нас и существуют извечно...

...Иначе как же могло бы затрагивать нас то, что мы считаем выдумкой?.. Разве ужас мы испытываем тогда, когда считаем, что нечто способно причинить нам физическую боль? — О, вовсе нет! Эти страхи имеют более древнее происхождение. Основа их лежит за пределами тела — иначе говоря, даже не будь у нас тела, они бы все равно оказывали воздействие...

...Тот страх, о котором мы говорили, чисто духовной природы; то, что он силен, не будучи привязан ни к какому земному объекту, и то, что он преобладает в период нашего безгреховного младенчества, — это затрудняет поиск способа проникнуть в глубины нашего до-земного бытия и хотя бы одним глазком заглянуть в царство теней предсуществования.

Чарльз Лэмб. «Ведьмы и другие ночные страхи»

I

Если, путешествуя по северным районам центральной части Массачусетса, на развилке дороги в Эйлсбери близ Динз-Корнерс повернуть не в ту сторону, вы окажетесь в пустынном и любопытном месте. Местность становится холмистой, а обсаженные вереском каменные стены все ближе подбираются к пыльной извилистой дороге. Деревья в многочисленных полосах леса кажутся слишком большими, а дикие травы, сорняки и заросли куманики чувствуют себя здесь куда вольготнее, чем в обжитых районах. В то же время возделываемые поля становятся более скудными и встречаются все реже; при этом немногочисленные разбросанные здесь дома несут на себе удивительно сходный отпечаток большого возраста, разрушения и запущенности. Неизвестно почему, обычно путешественники не решаются спросить дорогу у одиноких людей грубоватой наружности, попадающихся там и сям на полуразвалившихся крылечках или на наклонных лугах среди разбросанных камней. Они кажутся такими тихими и вороватыми, что подозреваешь рядом что-то запретное, от чего лучше держаться подальше. Когда дорога поднимается так высоко, что видишь горы над темными лесами, ощущение смутной тревоги усиливается. Вершины

усиливается. Вершины кажутся слишком округлыми и симметричными, чтобы давать чувство комфорта и естественности, а порой на фоне неба с особой четкостью вырисовываются странные круги из высоких каменных колонн, которыми увенчано здесь большинство вершин.

Дорога пересекает узкие ущелья и овраги значительной глубины, а грубо сколоченные мосты через них кажутся довольно опасными. Затем дорога снова спускается и проходит по болотистой местности, вызывающий инстинктивную неприязнь, а по вечерам — почти страх из-за стрекота невидимых козодоев, светлячков, в необыкновенном изобилии танцующих под скрипучее пение жаб. Узкая сверкающая лента Мискатоника в его верховьях, огибающая подножия куполообразных холмов, очень напоминает змею.

По мере приближения к холмам их покрытые густыми лесами склоны начинают вызывать большие опасения, чем увенчанные камнями вершины. Хочется оставить в стороне эти темные и крутые склоны, но здесь нет дороги, позволяющей держаться от них на почтительном расстоянии. После крытого мостика начинается городок, зажатый между рекой и крутым склоном Круглой горы, удивляющий видом своих полусгнивших двускатных мансардных крыш — архитектура их говорит скорее о давности постройки, а не о местных традициях. Большинство домов заброшены и готовы обвалиться, а в церкви с обломанным шпилем обосновалась единственная во всем поселении торговая лавка. Довериться темному тоннелю крытого мостика кажется жутковатым, но другого пути нет. А едва переберешься на другую сторону, сразу ощущаешь слабый, но скверный запах здешних улиц — запах плесени и многолетнего гниения. Покидая это место, обычно испытывают

облегчение; узкая дорога огибает затем подножия холмов, пересекает почти гладкую равнину и, наконец, воссоединяется с главной трассой в сторону Эйлсбери. Но если вы проявите любопытство, то можете узнать, что побывали в Данвиче.

Посторонние в Данвич стараются не заглядывать, а после одного периода непрерывного ужаса это название убрали со всех указателей. С эстетической точки зрения окружающий ландшафт здесь более чем прекрасен; тем не менее здесь не бывает ни художников, ни просто летних туристов. Пару веков назад, когда над рассказами о ведьмовстве, служителях сатаны, ведьминой крови и странных лесных тварях никто не посмеивался, этой местности старались всячески избегать. В наш рациональный век — хотя все сведения о данвичском ужасе 1928 года были тщательно скрыты стараниями людей, искреннее беспокоящихся о благополучии этого городка, да и всего нашего мира, — люди, сами не зная почему, по-прежнему остерегаются этого места. Возможно, одна из причин — хотя это объяснение неприменимо в отношении неинформированных путешественников — то, что местные жители заметно опустились, ушли довольно далеко по пути регресса и упадка, характерного для многих захолустных уголков Новой Англии. Обитатели таких мест образуют особую расу, для которой свойственны признаки умственного и физического вырождения и последствия близкородственных кровных связей. Средний уровень их интеллектуального развития удручающе низкий, а их летописи изобилуют порочностью, убийствами, кровосмешениями и почти неопикуемой жестокостью и извращенностью. Местная мелкая знать, представленная несколькими гербоносными семьями, переселившимися